

Михаил Петрович Старицкий

Над пропастью

(Быль)

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Это было на одной из южных железных дорог. Я ехала в вагоне первого класса совершенно одна. Все широкие диваны были пусты, а одно купе было заперто на ключ.

Если бы это было ночью, то я бы не решилась остановиться в пустом вагоне; но роскошный рассвет загоравшегося летнего дня вселял к себе полнейшее доверие, и я даже была рада отсутствию назойливого дорожного спутника.

Курьерский поезд мчался с страшною быстротой, желая, вероятно, наверстать полтора часа опоздания. Чистое, ясное небо глубоко синело, в растворенные окна вагона веяла бодрящая свежесть, наполненная чудным ароматом еще зеленеющих роскошных степей.

Я долго стояла у окна, любуясь бегущими к нам навстречу мягкими картинами и наслаждаясь молодым расцветающим днем; он так гармонировал моему жизнерадостному чувству и сливался с расцветом моего юного счастья... Да, много радости сулил мне сегодняшний день: я ехала в свое родное гнездо уже вольною птицею, сбросивши докучливую ношу ученических лет, проведенных далеко, на неприветливом севере, в давящих своею громадой городах. И гимназические учителя, и курсовые профессора, и товарки, и маленькие задымленные квартиры, и шум неизменных споров, и полуночные занятия при лампе с прогорелым бумажным абажуром, и слепые туманные дни, промозглая сырость, и слякоть – все это оставалось там, где-то далеко-далеко, и потонуло в фантастической дымке, в каком-то уходящем в пространство мираже, а ближе и ближе летели ко мне дорогие образы и наполняли восторгом трепетавшее от радости сердце.

Я прилегла на диване и начала мечтать. Еще пройдет немного часов, и я выйду из вагона, брошусь на шею моей нежно любимой матери и замру в объятиях обожаемого мною отца... Ах, боже мой! Как я о нем стосковалась, о моем дорогом седеньком папе; а он-то, родненький мой, как мне обрадуется! Мама найдет, конечно, что я выросла и похорошела, а отец немедленно начнет исследовать мое нравственное развитие, начнет читать мои начатые работы, будет разбивать мои положения, но я без боя теперь тоже не уступлю... и будем спорить, спорить... Ах, как весело, какое счастье быть вместе с ним! А придет ли встречать меня Жорж? Он уже теперь Георгий Васильевич, учитель гимназии и института, – важная птица, подумаешь! Пишут, что похорошел и держит себя надменно; посмотрим, как-то вы со мной понадменничаете. Вот уж кому так не уступлю – ни-ни!.. В шахматы будем играть, в лодке кататься... в бурю, например... ух, славно!

Всего только осталось восемь часов, даже меньше... ах, когда бы скорее шел поезд!..

Солнце уже наполняло рассыпанным золотом весь вагон. Меня начало клонить ко сну; приняв более удобное положение, я закрыла глаза, но мысль еще не устала работать и рисовала мне много заманчивых картин. Родные мои собрались осень провести в Ялте, а потом, к зиме, поехать вместе со мною в Италию, Францию, Англию... Жорж, кажется, с научной целью, тоже поедет в Европу; а хорошо, если бы вместе... вместе... веселее бы было... Зеркальные лагуны, изумрудные острова, снежные горы, уютные долины, пышные дворцы, готические соборы, обольстительные магазины – все это стало сливаться в какую-то пеструю картину... Я заснула.

В вагоне было уже жарко; полусон еще приятной истомой сковывал мои члены, а дрема смежала глаза, когда я заметила пристально устремленный на меня взор, заставивший меня неприятно вздрогнуть и приподняться: против меня на диване сидела какая-то барыня и бесцеремонно меня рассматривала, не отводя очей от моих глаз, словно желая в лице моем или узнать своего давнего друга, или открыть скрывающегося врага.

Даме на вид было лет под сорок: ее волосы с серебристым отливом слегка вились и были низко подрезаны; необычайно бледное лицо носило печать сосредоточенности и нервности, а темные глаза от этой матовой белизны казались еще темнее и по временам сверкали мрачным огнем. Дама была изящно одета и неподвижно сидела, устремив на меня холодный, стальной взгляд.

Мне становилось крайне неловко, и я, чтобы скрыть смущение, оправила свой костюм и начала смотреть в окно. Солнце стояло уже довольно высоко. Поезд